

Методологические проблемы изучения анклавных трансграничных этнических групп тюркских народов Волго-Уралья

Т.Н. ИВАНОВА, Е.К. МИНЕЕВА, А.И. МИНЕЕВ

Methodological problems of studying the enclave transboundary ethnic groups of the Turkic peoples of the Volga-Urals

T.N. IVANOVA, E.K. MINEEVA, A.I. MINEEV

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы изучения трансграничных групп башкир, татар и чувашей. Несмотря на сложившуюся традицию называть все этнические группы, проживающие вне страны своего происхождения, диаспорой, мы считаем, что по отношению к отдельным этническим группам рассматриваемых народов этот термин неприменим. Более точно, на наш взгляд, отражает современное положение этих групп теория анклавов, в рамках которой применяется понятие не только территориальных, но и этнических анклавов. Опыт изучения этих этнических анклавных групп может быть применен при исследовании складывания российской идентичности.

Ключевые слова: диаспора, этнический анклав, анклавные группы, тюркские народы, Волго-Уралье.

Abstract. The article deals with the methodological problems of studying enclave transboundary groups of Bashkirs, Tatars and Chuvashs. Despite the established tradition to call all ethnic groups living outside their country of origin a diaspora, we believe that this term is not applicable to certain ethnic groups of the peoples in question. More precisely, in our opinion, the theory of enclaves reflects the current situation of these groups. The experience of studying these ethnic enclave groups can be applied in studying the formation of Russian identity.

Key words: diaspora, ethnic enclave, enclave groups, Turkic peoples, Volga-Urals.

Разнонаправленность развития этнических процессов в современной России характеризуется, с одной стороны, ассимиляционными тенденциями складывания единой российской идентичности, с другой – усилением стремления к сохранению этнического многообразия. Судьба небольших трансграничных этнотерриториальных групп напрямую связана с сохранением благоприятного климата в межнациональных отношениях. Однако существующие в этнологии исследования данных общностей не охватывают всего комплекса методологических дискуссий современной науки. Необходима ревизия понятийного аппарата и формирование комплексного междисциплинарного подхода к новым теориям об этническом многообразии. Дискуссионным является и вопрос об источниках исследования анклавных этнических групп.

Объектом настоящего исследования являются анклавные этнические группы трех тюркских народов, имеющих общую историю и проживающих на сопредельных территориях Волго-Уральского региона (башкиры, татары, чувашы). В исторических судьбах этих народов и их этнических групп имеются свои особенности, которые требуют корректировки исследовательского аппарата при их изучении. Цель статьи – рассмотреть новые методологические подходы к изучению трансграничных этнических групп.

В современной науке хорошо исследованы этнографические особенности как трех изучаемых нами тюркских народов, так и их отдельных этнографических и территориальных групп ¹. Подобные группы в этнологических исследованиях принято называть диаспорой. При этом, как пишет В.П. Иванов, следует различать внешнюю и внутреннюю диаспоры ².

В то же время отдельные этнические группы на территориях расселения иных народностей именуются анклавными группами, трансграничными сообществами, национальными (этническими), этнотерриториальными группами ³. Ниже мы рассмотрим подробнее сходство и отличия понятийных полей этих терминов. Отметим, что изучение этих этнических сообществ нельзя ограничивать только традиционными методами этнологии. О необходимости «симбиоза наук» и междисциплинарном подходе в изучении этнических групп писал В.А. Тишков ⁴. Дифференциация и интеграция современной науки привели к появлению новых научных дисциплин: этносоциологии, этнопсихологии и этнополитологии ⁵, этнополитической антропологии ⁶, этнической статистики, этнического картографирования ⁷ и др.

Необходимость многоаспектного анализа в русле синтеза наук предполагает значительное расширение источниковой базы исследования этнических групп. Наряду с этнографическими полевыми исследованиями, мы считаем важным источником изучения межэтнического взаимодействия

Иванова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. E-mail: tivanovan@mail.ru; Минеева Елена Константиновна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. E-mail: mineevaek21@mail.ru; Минеев Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий межфакультетской базовой лабораторией 1С, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. E-mail: minalig@inbox.ru.

Ivanova Tatyana N. – doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. E-mail: tivanovan@mail.ru; Mineeva Elena K. – doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of National History named after A.V. Arsentieva, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. E-mail: mineevaek21@mail.ru; Mineev Aleksey I. – candidate of historical sciences, Head of Interfaculty Basic Laboratory 1C, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. E-mail: minalig@inbox.ru.

тюркских народов анкетирование ⁸, а также рассмотрение экспертных оценок ситуации ⁹. Подобное социологическое исследование было проведено нами в Башкирской, Татарской, Чувашской республиках и Свердловской области. Кроме того, были созданы новые устноисторические источники в виде интервью жителей анклавных групп. Записанные нами интервью жителей чувашских деревень Буинского района Республики Татарстан (РТ) в сравнении с данными анкетирования ожидаемо содержат больше фактов, подробностей и оценочных суждений о межнациональных отношениях в анклавных группах. Также нами был проведен анализ ментальности этнических групп ¹⁰.

Важным источником являются статистические данные переписей, позволяющих проследить динамику этнической картины регионов, а также картографические материалы ¹¹.

На наш взгляд, большое значение для изучения этнической самоидентификации и современной ситуации в анклавах имеет анализ материалов из сети Интернет. Анализируя информационное поле интернет-источников, можно выделить определенные особенности данных материалов. Публикации из правительственных СМИ, например, а также официальные сайты сельских поселений содержат больше проверяемых фактов, но характеризуются более «сглаженными» описаниями межнациональных отношений, тогда как анонимные комментарии их читателей, авторские блоги и другие публикации в социальных сетях содержат более откровенные, иногда негативные высказывания о межнациональных отношениях, которые субъективны и требуют критического анализа ¹².

Большое значение имеет историографический анализ трудов по вопросам этногенеза, миграции тюркских народов, их истории в советский и постсоветский периоды. Хотя эти вопросы, казалось бы, хорошо изучены в отечественной историографии, мы считаем необходимым провести историко-компаративистский анализ данных концепций по сравнению с предположениями зарубежных исследователей. Последние содержат иногда критические оценочные суждения ¹³. Отечественные ученые более сдержанны и осторожны при характеристике негативных явлений в межнациональных отношениях.

Таким образом, в исследовании был применен комплекс общенаучных и конкретно-проблемных методов: этнологические, методы устной истории, статический, историко-сравнительный, социокультурный методы. Их совокупность позволила не только сравнить различные методологические подходы, но и предложить авторскую точку зрения о понятийном аппарате по изучаемой проблеме.

Прежде всего, дискуссионным является соотношение понятий «анклавные группы», «диаспора», «трансграничные сообщества». Классическим остается определение диаспоры как этнического сообщества вне страны происхождения, характеризующегося определенными

чертами этнической идентичности, степенью институционализации и характером контактов и отношений с территорией своего происхождения¹⁴. Однако в современной науке распространяется мнение о возможности расширенной трактовки данного термина для описания процессов этнического размежевания в целом¹⁵. Под понятие «диаспора» в данном случае попадают также те общности, которые проживают в одном государстве, но за пределами «титulyных» республик¹⁶. В.А. Тишков признает динамичность процесса образования и развития диаспорных групп и, следовательно, трудности с определением самого явления. Особенно остро терминологический спор проявился в отношении процесса «диаспоризации» этнических сообществ на постсоветском пространстве. Вводя в оборот термин «внутренняя диаспора», В.П. Иванов пишет: «В такой этнически необычайно пестрой, мозаичной по структуре административно-территориального устройства и, главное, гигантской по площади стране, как Россия, представляется правомерным использование понятия “внутренняя диаспора” для целого ряда народов, у которых историческая родина официально оформлена в виде автономного национально-государственного образования»¹⁷.

По мнению Д.Г. Емченко, признаками диаспоры являются «пребывание этнической общности за пределами своего национально-государственного образования», «рассеивание из единого центра», «коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация», «ощущение чужеродности», «стремление к возвращению»¹⁸ и т.д. По мнению ряда других исследователей, диаспора – это «любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное меньшинство, объединенное общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности»¹⁹. Важной характеристикой диаспоры, по мнению З.И. Левина, является особый менталитет, «образ мыслей, система идей и символов, мироощущение, совокупность духовных и морально-этнических установок диаспоры как социоэтнической группы»²⁰. Важными для диаспорных групп также являются особые черты национальной идентичности, связанные с адаптацией и приспособляемостью представителей этнических сообществ, оказавшихся в инонациональной среде²¹.

Подчеркнем, однако, что в определении диаспоры всегда присутствует факт «исхода», миграции, потери некогда существовавшей исторической родины, ощущение «чужеродности» в новом окружении, стремление к возврату и консервации традиционных ценностей. Как будет показано ниже, далеко не ко всем этническим группам тюркских народов, изучаемых нами, эти признаки применимы. В.П. Иванов использует нейтральное определение «этнической группы» как части этноса, оторвавшегося в силу исторических обстоятельств от материнского ядра и расселившегося (компактно или дисперсно) на более или менее значительном

от него отдалении²². Ученый также обращается к классификации, данной Р.Г. Кузеевым и В.Я. Бабенко, которые предлагали разделить все этнические общности на два типа: этнические и этнографические, а этнические, в свою очередь, – на «этноареальные» и «этнодисперсные»²³. В то же время в указанных определениях преобладают акценты именно на этнографических чертах этих групп.

В современной науке привлекает внимание разработка понятия «трансграничное общество». Так, например, по мнению Д.Г. Емченко, оно вбирает в себя «различные элементы других культур», пролагая дорогу к культурному симбиозу²⁴. «Полиморфность, толерантность», творческие переработки «чужих» культурных ценностей, готовность поделиться «своими», маргинальность как положение в двух мирах – все эти признаки трансграничного сообщества не слишком характерны для изучаемых нами этнических групп, хотя определенное взаимопроникновение культур несомненно присутствует. Данное понятие, в отличие от этнической группы, не сосредотачивает внимание на национальном аспекте.

Весьма перспективна для нашего исследования теория анклавов. В наиболее широком значении анклавы – это земли, население которых окружено территорией, относящейся к иному государству, этносу, религиозной и политической общности.

Самыми известными анклавами являются суверенные анклавы-государства (например, Сан-Марино), международные анклавы и несuverенные анклавы (Калининградская область). Еще одна их разновидность – субнациональные анклавы, включающие в себя регионы одного и того же государства (например, анклавы на границе Чувашской Республики (ЧР) и РТ, административно относящиеся к соседнему региону).

Особое значение имеют этнические анклавы, которые представляют собой компактно проживающее сообщество определенной этнической группы внутри территории, где доминирует другая этническая группа²⁵. Однако в данном случае, в первую очередь, имеется в виду этническая группа, проживающая на территории, граничащей с другим регионом и его населением. И речь идет о коренных жителях, поскольку они сосредоточены и обитают на своих землях в течение долгого исторического периода. Главным отличием этнического анклава от понятия «диаспора» является сосредоточение фокуса внимания на пространственно-географических признаках, что существенно для отличия анклава от национального меньшинства (в 1920-е – 1930-е гг. этот термин часто применялся по отношению к этническим анклавам). Кроме того, данное понятие не отягощено стереотипами, с которыми в массовом сознании связано понятие «диаспора». В специальной литературе встречаются и такие определения, как «анклавные сообщества», «анклавные группы», под которыми можно подразумевать несuverенные сообщества в виде

одного поселения или комплекса поселений с нечетко выраженными территориальными границами. Именно нечеткостью границ, дисперсным проживанием с соседними иноязычными поселениями этнические анклавы отличаются от административных анклавов. От диаспорной группы этнические анклавы отличаются тем, что, как правило, его представители считают себя коренными жителями своей малой родины.

Можно также выделить религиозные анклавы, представляющие собой территории относительно компактного проживания людей, принадлежащих к одной религии, окруженной населением другой религиозной принадлежности (например, православные чувашские поселения в РТ и Башкирской Республике (БР)).

При изучении всех анклавов особое внимание уделяется следующим проблемам: свободе передвижения, экономическим и культурным связям с материнским государством / этносом, возможности получения образования на родном языке, свободе отправления религиозных культов и т.д. на территории анклава.

Несомненно, существуют особенности этнической идентичности, которые предопределяют складывание региональных черт этнической группы анклава. Именно теория анклавов была избрана нами для определения особенностей этнических групп тюркских народов Волго-Уралья. И это не случайно, поскольку мы считаем, что рассматриваемые объекты исследования не отвечают всем признакам диаспоры как части этноса, стремящейся к воссоединению с покинутой родиной, обладающей «ощущением чужеродности» по отношению к окружению и, соответственно, вынужденной ущемлять собственную идентичность путем адаптации к местным политическим, социально-экономическим и культурным традициям.

Как указывалось выше, целью статьи является не конкретная характеристика всех анклавных групп тюркских народов европейской России, а попытка найти их общие черты и особенности в свете теории анклавов. Наиболее яркими примерами являются чувашские анклавы на территории РТ и БР, а также татарские анклавы в ЧР. Мы намеренно оставляем в стороне расселение татар на территории современного Башкортостана в связи с политизированностью проблемы и считаем, что это может стать предметом отдельной публикации²⁶. Также в настоящей статье не ставится задача описания анклавов тюркских народов, проживающих в русскоязычных регионах страны (Ульяновская, Самарская, Оренбургская, Челябинская области и др.), так как для них характерны иные тенденции. За рамками нашего внимания остаются и процессы, происходящие в так называемой внешней диаспоре, то есть среди иммигрантов за рубежом. Мы сосредоточимся на общих тенденциях развития этнических анклавов в трех республиках Волго-Уралья, так как именно взаимоотношения тюркских этносов в этих регионах позволяют выявить характерные черты этнических анклавов трех близких по этногенезу народов.

Тюркские предки башкир, татар, чувашей появились в Волго-Уралье еще в VII–VIII вв. В их этногенезе играли важную роль булгарские и суварские племена. Кроме того, на разных исторических этапах происходило взаимодействие пришедших в регион тюркских племен с финно-угорскими и другими народами Волго-Уралья, что определяло их различия в языке, культуре и антропологическом облике.

Долгие века на обширной территории изучаемого региона три родственных тюркских народа формировались и проживали в непосредственной близости и взаимодействии друг с другом. Постепенное формирование этнических территорий происходило в условиях постоянных ступенчатых миграций, что вело к их чересполосному и дисперсному расселению. «Академическим клише» называет В.В. Степанов понятие «основная территория этноса», а также производные от него определения типа «за пределами своей территории», ибо в Средневековье не существовало четко определенных пространственных границ между этносами. В то же время изучение процессов этногенеза убедительно подтверждает один из его важных признаков – территориально-пространственный, когда территория, являясь одним из главных элементов формирования этносов, оказывала судьбоносное влияние на социально-экономические и культурные особенности народов, их идентичность. Несмотря на это, вполне убедительно звучит мнение исследователя, согласно которому, можно считать иллюзией географическую разделенность этнических групп²⁷. Безусловно, она является весьма условной, поскольку корни народов Волго-Уралья лежат в глубоких пластах истории и «давно и нерасторжимо переплетены между собой»²⁸. Тем не менее можно выделить сплошное (непрерывное на какой-то территории) расселение этноса, чересполосное, очаговое (ареальное) и точечное²⁹. Так, в течение XVI–XVII вв. постепенно определяются ареалы расселения татар, башкир и чувашей, однако четких границ между ними не существовало.

Общее прошлое в составе Волжской Булгарии, затем Золотой Орды и Казанского ханства сменяется соседством в Российском государстве. Административные границы губерний и уездов не разделяли народы, а способствовали продолжению образования чересполосного расселения. Можно выделить две основных волны массовых миграций, которые, однако, нельзя соотносить с образованием классической диаспоры. Первая миграция связана с заселением со второй половины XVI в. так называемого «дикого поля». Появление засечных черт по линии Тетюши – Алатырь – Темников и Симбирск – Саранск – Тамбов сделали безопасными от набегов кочевников степные пространства³⁰. Именно в это время на месте «дикого поля» появляются районы, чересполосно заселенные чувашами и татарами, а часть чувашей переселяется в Южное Приуралье. При этом миграция происходила не одномоментно.

Так, чувашаи из Прианишья сначала переселились на территорию современной Ульяновской области, затем в Самарский край, а оттуда – в Башкирию и другие районы³¹.

Вторая массовая волна миграции связана с насильственной христианизацией чувашей и татар в XVIII в., когда отдельные группы этих этносов переселяются в Башкирию, где образуются компактные анклавы чувашей и татар. В более позднее время происходили миграционные процессы, связанные со столыпинской реформой, индустриализацией и т.п. Таким образом, более или менее массовые миграции шли постоянно в течение веков. Оказавшись в иноязычном окружении, многие этнические группы ассимилировались. Так, Р. Пайпс считает, что «большинство башкир находились под культурным влиянием более многочисленных и высокоцивилизованных единоверцев – поволжских татар, и накануне революции (1917 г. — Т.И., Е.М., А.М.) почти половина башкир считала своим родным языком татарский»³².

Для чувашей, оказавшихся в окружении мусульман, очень остро стояла проблема исламизации. В. Довлер пишет: «Во все века чувашаи принимали ислам, очень быстро теряли свою этническую идентичность, подвергаясь лингвистической и культурной татаризации»³³.

В силу близости языков и культуры трех тюркских народов, постепенного и многоступенчатого миграционного процесса, связанного с ними, сложно применять до XX в. понятия «диаспора» и «анклав» по отношению к этнической группе одного тюркского народа, оказавшегося в окружении другого родственного тюркского этноса. Никаких официально признанных границ этнических территорий до 1917 г. не существовало. Татары, башкиры и чувашаи проживали на территории Казанской, Уфимской, Оренбургской, Симбирской, Саратовской и других губерний. В этой связи необходимо учитывать и роль русского населения, которое даже в местах компактного проживания чувашей, башкир и татар составляло большинство городских жителей. При этом царские власти стремились к христианизации, но не ассимиляции тюркских этносов, содействуя «возникновению сложносоставной национально-имперской идентичности, в которой “инородцы” могли бы становиться русскими, но в то же время иметь возможность оставаться чувашами, татарами или вотяками»³⁴. Большую опасность для башкир и чувашей представляла «татаризация».

Опасения подобной «ассимиляции» приводили к тому, что башкирская интеллигенция считала сближение с русскими предпочтительнее главенства татар над башкирами³⁵. Чувашаи также были убеждены, что сближение с русскими защитит их от «татаризации». Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев в своем завещании, обращаясь к соплеменникам, писал: «Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью»³⁶.

Лишь после 1917 г. в связи с реализацией национальной политики большевиков можно говорить о появлении этнических анклавных групп. Процесс образования Татарской, Башкирской и Чувашской автономий сопровождался многолетними территориальными спорами³⁷. Учитывая предшествующие века совместного чересполосного проживания трех тюркских народов, провести четкие границы между ними было невозможно. Авторы монографии «Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917 – 1920-е годы» пишут: «Приходится констатировать, что некоторые территориальные решения, принятые советским руководством в 1920–1930-е гг., не всегда отвечали истинным интересам тех этносов, в отношении которых они принимались, территории перекраивались, как правило, в угоду партийной и государственной власти»³⁸.

Так, определение административных границ между Чувашской и Татарской автономиями привело к появлению нормативно закреплённых небольших чувашских анклавов в Дрожжановском и Буинском районах РТ и татарских анклавов в Шемуршинском и Яльчикском районах ЧР и т.д. Эти административные анклавы возникали в течение 1920-х гг. в ходе острых дискуссий национальных элит, но последнее слово оставалось за центром. Анклавы образовывались, как правило, в поиске установления административных границ по требованиям и прошениям республиканских властей или местных жителей (например, д. Аксу в Яльчикском районе и др.) или по соображениям сохранения единых хозяйственных комплексов, исходящих, как правило, из центра. Однако в настоящее время приходится констатировать, что многие из этих административных анклавов обезлюдели. Например, в д. Мулинной, фактически находящейся в Яльчикском районе ЧР, но формально относящейся к РТ, осталось всего несколько дворов. Другие административные анклавы по объективным причинам больше ориентируются и в экономике, и в социальной сфере все же на тот регион, в котором находятся (например, чувашский анклав «Новое Байдеряково» в Буинском районе Татарстана). На наш взгляд, это связано с тем, что со временем административные анклавы получали недостаточно внимания и финансирования как со стороны «материнского» региона, так и со стороны региона территориального нахождения анклава. Они со временем превращались в «ничи» земли, так как администрация автономии, в состав которой они входили, уделяла им меньше внимания ввиду их иной этнической основы и территориальной близости к другой автономной единице.

Таким образом, административные анклавы, и в современных условиях сохраняющиеся на границах трех республик, являются скорее рудиментами недалёковидной национальной политики советской власти в 1920-е – 1930-е гг. Стремление центра решать вопросы установления административных границ по национально-территориальному признаку

вылилось в незатухающие споры между автономиями и административно-территориальными единицами за деревни, села, районы и т.п. В конце концов, когда пришло осознание невозможности решить данный вопрос демократическим путем, с опорой на мнение местных жителей, и когда подобные споры начали мешать сплочению единой советской нации (фашизация Европы в это время), они были прекращены волевым решением – в 1938 г. советская власть упразднила Административную комиссию, отвечавшую за данный вопрос.

В современную историю подобные разногласия территориального размежевания и устоявшиеся этнические анклавы пришли из советского прошлого, их существование до настоящего времени обсуждается и подвергается полемике со стороны ученых и политиков. Представление об общем прошлом тюркских народов в понимании обычных людей мы зачастую обнаруживаем в социальных сетях. Так, в одном из комментариев по поводу административных анклавов на границе Чувашии и Татарстана пишут: «Эта вся округа, земля Волжской Булгарии, была одна страна от Саратова до Мещеры, не было еще разных напридуманных Сталиным-Лениным областей и АССР с суверенными границами»³⁹. Таким образом, в центре нашего внимания не административные, а гораздо более многочисленные этнические анклавы, которые, с точки зрения властей, не имеют никаких четких границ.

Фактическая история такова, что, наряду с официально признанными административными анклавами, на территории Чувашии существуют 29 пунктов с преимущественно татарским населением. В то же время на территории Татарстана насчитывается около 170 чувашских деревень. При этом в Аксубаевском районе РТ чувашаи, например, составляют 44 % (больше, чем татары и русские в отдельности), в Дрожжановском районе – 41,1 %⁴⁰.

Еще более пестрая картина расселения наблюдается в Башкортостане. Согласно переписи 2002 г., башкиры составляли 29,5 % населения, татары – 25,4 %, чувашаи – 2,7 %. При этом имеются районы компактного проживания в БР и татар, и чувашей⁴¹. Таким образом, во всех трех республиках имеются анклавные этнические группы в виде отдельных поселений или групп сел, которые продолжают развиваться в иноязычном окружении как вполне самостоятельные образования с развитым национальным самосознанием, не имея никакого административного статуса.

Не рассматривая в настоящей статье все этнические анклавы в БР, РТ и ЧР, охарактеризуем для примера наиболее известные анклавные поселения, не имеющие статуса административного анклава, но признанные и «материнским» регионом, и регионом, внутри которого они пребывают, как самостоятельные национально-культурные общности.

Например, в Татарстане имеется девять соседних чувашских сел под названием «Тахаръял» (по-русски – Девятиселье). Хорошо известно

исследование Г.Т. Тимофеева «Тахаръял», написанное автором еще в 1896–1903 гг. (впервые издано на чувашском языке в 1972 г.). В книге рассказывается об особом укладе жителей девяти чувашских сел, находящихся сегодня в Буинском районе РТ. Проживая в окружении татарских деревень, жители Девятиселья не только сохранили национальную идентичность, но и создали свою субкультуру с особенностями языка, одежды, жилища и обрядов. Они ревностно соблюдают и христианские, и ряд чувашских языческих обычаев, проводят фольклорные фестивали, издают свою электронную газету, имеют свой сайт в ряде социальных сетей. При этом, по сообщению жительницы с. Чувашская Беловоложка, население Тахаръяла в определенной степени противопоставляет себя не только татарам, но и чувашам окрестных сел. Из этой местности вышли известные чувашские писатели, ученые, общественные деятели И.Н. Юркин, Д.П. Петров (Юман), В.В. Ухми ⁴² и др.

В Татарстане имеется множество территорий (например, в Нурлатском районе РТ), заселенных чувашами. Около 150 школ дают образование на чувашском языке. Чувашаи РТ не причисляют себя к диаспоре, ибо их предки веками жили на этой земле. Не случайно В.П. Иванов считает, что «территории современных Чувашии и Татарстана, вместе взятые, и для чувашей, и для татар составляют не просто общий историко-культурный и географический ареал, но и то, что обычно называется “землей предков”, общей родиной» ⁴³.

Самым известным, но не единственным татарским этническим анклавом в Чувашской Республике является с. Шыгырдан в Батыревском районе. Его жители считают себя исконными насельниками этих земель, гордятся своим особым землячеством. По уровню развития экономики, образования, культурным объектам Шыгырдан стоит выше не только других татарских анклавов в ЧР, но и близлежащих поселений Татарстана («богаче соседнего районного центра РТ Кайбищи»). Село знаменито своими известными всей России уроженцами: религиозными деятелями, знаменитыми актерами, спортсменами, учеными (26 докторов наук!). Именно здесь располагается Духовное управление мусульман ЧР (ДУМ). В селе действуют семь мечетей, две школы с преподаванием на татарском языке, имеются своя газета, свой сайт (Шыгырдан). Здесь сложилась особая этнотерриториальная общность, для которой характерны языковые, этнографические и культурные особенности. При этом жители не стремятся к подчинению Татарстану. На одном из сайтов читаем: «Казань замкнута на себя. Нам, мусульманам, комфортно среди христиан» ⁴⁴.

Среди многочисленных анклавных групп чувашей в Башкортостане особое значение для всей чувашской культуры имеет с. Слакбаш в Белебеевском районе. Здесь родился классик чувашской литературы К. Иванов, известный поэт и писатель Я. Ухсай. Относительно небольшое по

численности жителей (чуть более 500 чел.) село является своеобразным центром притяжения для всех чувашей, туда ежегодно из ЧР приезжают делегации представителей культуры, общественных деятелей и просто почитатели поэзии К. Иванова. В данном населенном пункте имеются свой музей чувашской культуры, памятники известным уроженцам ⁴⁵. При этом чувашская культура Слакбаша обладает рядом региональных особенностей в женском национальном костюме, национальной кухне, языке и фольклоре. В 2018 г. Слакбаш стал победителем в конкурсе на самое благоустроенное село Башкортостана.

Список подобных анклавных групп можно продолжать. В этой связи очень важной характеристикой, на наш взгляд, является то, что между жителями анклавов и представителями коренного этноса вполне добро-соседские отношения. Как первые, так и вторые не видят друг в друге чужеродного элемента, четких территориальных границ этих анклавов нет, в последнее время увеличивается чересполосное расселение чувашей, татар, башкир даже в рамках одной деревни. Однако браки между православными чувашами и мусульманами – нечастое явление. Редко происходит и переход христиан в ислам, что в предшествующие века вело к ассимиляции чувашей. Анклавные группы не замкнуты на себе, а активно участвуют в развитии культуры родного этноса и общественной жизни региона проживания. Конечно, для них, как и для всего сельского населения России, характерна тенденция «старения населения», уменьшение численности сельских жителей.

Данную тенденцию подтверждают и результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. ⁴⁶ В частности, они свидетельствуют о том, что в целом следует отметить снижение численности всех трех изучаемых нами тюркских народов. Но особенно характерно то, что резко возросло количество людей, затруднившихся со своим этническим самоопределением. А. Иванов пишет: «Выросшее в три раза – с 5 миллионов до 16 миллионов человек – количество респондентов переписи, отказавшихся отвечать на вопрос о своей национальности, вообще один из самых характерных ее показателей, существенно затрудняющий процесс анализа» ⁴⁷.

Выводы нашего исследования можно свести к следующим положениям. К этническим группам трех тюркских народов, проживающих на территории БР, РТ и ЧР, слабо применимо понятие «диаспора». Сами жители часто даже в легендах не сохранили память о месте их изначального проживания, и только благодаря изысканиям историков и архивистов можно восстановить путь их миграции. Процессы этногенеза и многовековой аккультурации привели к тому, что анклавные этнические группы вполне адаптировались к проживанию в данном регионе – Волго-Уралье. Это отразилось в особенностях элементов костюма, национальной кухни, появлении лингвистических заимствований из языка

соседей, интеграции хозяйственной жизни. Среди населения анклавов распространено трехязычие (родной язык, язык соседей и русский). Однако при этом анклавные группы обладают развитым этническим самосознанием, что сохраняет их самоидентификацию, принадлежность к народу и сам этнос в целом. Они ощущают себя частью большого «материнского» этноса, но подчеркивают свою «особость», не стремятся к административному воссоединению с прародиной, признают себя коренными жителями региона проживания. В записанных нами интервью чуваша Татарстана подчеркивают, что им хорошо в республике и они не желают быть в составе Чувашии. Татары ЧР не стремятся под власть Казани. В подавляющем большинстве случаев молодежь поступает в вузы той республики, где она проживает. Зафиксировано также особо лояльное отношение коренного этноса к представителям тюркских анклавов. Однако в матримониальном поведении на первый план выходят конфессиональные различия: браки мусульмане башкиры и татары крайне редко заключают с православными чувашами. В межнациональных браках чувашей преобладают браки с русскими.

Особенности национальной культуры рассматриваемых анклавных групп можно объяснить процессами аккультурации и адаптации, при которых отсутствует полная ассимиляция, но реализация базовых потребностей происходит при поддержке институтов региона проживания⁴⁸. Отметим в основном внимательное отношение властей БР, РТ, ЧР к национально-культурным потребностям анклавных групп. В то же время определенную заинтересованность в поддержании национальной культуры этнических групп проявляет и «материнский» этнос, что в современных условиях во многом связано с формированием национально-культурных автономий народов России (ФЗ «О национально-культурной автономии», 1996 г.). Возможно, этим и объясняется, почему именно из анклавных групп часто выходят видные представители культуры, науки и общественных движений, реализующие себя в регионе родного этноса. В то же время необходимо подчеркнуть, что указанные позитивные моменты и сюжеты в межнациональных отношениях определяются, прежде всего, родственностью тюркских этносов, их долгой совместной историей и близостью этнопсихологического генотипа. Для анклавных групп тюркских народов, проживающих в русскоязычных регионах, характерны другие особенности. Тем не менее при всей специфике и различиях главным является то, что жители анклавных этнических групп России сознают свою принадлежность к единой нации – российскому народу. Возможно, результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. свидетельствуют как раз об этом.

В.А. Тишков, говоря об изучении межнациональных отношений и этнокультурной политики, отмечает: «На смену старой советской и регионально-этнической идентичностям в качестве приоритетного пришло

самосознание общероссийское, то есть люди среди набора идентичностей (кем они себя считают прежде всего) ставят на первое место “Я – гражданин России” и “Я – россиянин”. В некоторых регионах (республиках) этническая принадлежность может превалировать над общероссийской, но нигде в стране нет ее явного отрицания»⁴⁹. В связи с этим опыт изучения анклавных групп тюркских народов может быть применен и к другим этническим общностям.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00840, URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00840/>. The study was funded by a grant Russian Science Foundation № 22-28-00840, URL: <https://rscf.ru/en/project/22-28-00840/>.

1. БОЙКО И.И., ДОЛГОВА А.П., ХАРИТОНОВА В.Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии. — Вестник антропологии. 2021. № 1 (53), с. 104–120; ИВАНОВ В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары. 2005; ИВАНОВА Т.Н., МИНЕЕВА Е.К., МИНЕЕВ А.И. Проблемы взаимодействия тюркских народов Европейской России в освещении зарубежной историографии. — Былые годы. 2022. № 4, с. 2010–2019; ИСХАКОВ Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. Казань. 2002; КУЗЕЕВ Р.Т., ДАНИЛКО Е.С. Башкиры (народы и культуры). М. 2015; Этнография чувашского народа / Под ред. В.П. Иванова. Чебоксары. 2017; ЯГАФОВА Е.А. Чуваш Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары. 2007; и др.
2. ИВАНОВ В.П. Ук. соч., с. 29.
3. ВИНУКОВ Е.Ю. Теория анклавов. Калининград. 2007; ЕМЧЕНКО Д.Г. Место и роль трансграничного сообщества в этносоциальной структуре общества. — Система ценностей трансграничного сообщества в этносоциальной структуре общества. 2008. № 3, с. 135–139.
4. ИШКОВ В.А. Отечественная этнология и симбиоз наук. — Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М. 2016, с. 5–16.
5. ГУБОГЛО М.Н. Этносоциология и этнополитология в системе междисциплинарного знания. В кн.: Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М. 2016.
6. БЕЛИК А.А. Экономическая антропология на рубеже XX–XXI веков. — Там же.
7. СТЕПАНОВ В.В. Электронное этническое картографирование: теоретические и практические подходы. — Там же, с. 359–367.
8. МИНЕЕВА Е.К., СТАРОСТИН А.Н., МИНЕЕВ А.И. Восприятие тюркскими народами Урало-Поволжья этноконфессиональной ситуации в регионах проживания: титульные этносы и трансграничное взаимодействие. — Вопросы истории. 2022. № 8–2, с. 17–32.
9. МИНЕЕВА Е.К., МИНЕЕВ А.И., ИВАНОВА Т.Н. Взгляд экспертов на национальную политику в отношении тюркских народов европейской России: анклавные этнотерриториальные группы и межкультурная адаптация. — Эхо веков. 2022. № 4, с. 90–99.
10. ОМЕЛЬЧЕНКО Е.А., ИВАНОВА Т.Н. Этническое многообразие России конца XX – начала XXI в.: к аспектам теоретико-методологического анализа. — Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, с. 14.
11. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul
12. URL: <https://dzen.ru/media/malikov/puteshestvie-v-anklav-tatarstana-v-chuvashii-tam-nahoditsia-zabytaia-obeimi-respublikami-piad-zemli-5eb473366123004431e07c1a>; URL: <https://999vrhost.ucoz.ru/index/istorija/0-31>; URL: https://vk.com/topic-841016_3085050

13. DOWLER W. Pedagogy and Politics: Origins of the Special Conference of 1905 on Primary Education for Non-Russians in the East. — Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 1998. No. 4 (26), p. 761–775; PIPES R. The First Experiment in Soviet National Policy: The Bashkir Republic. 1917–1920. — The Russian Review. 1950. No. 4 (9), p. 303–319.
14. ПОЛОСКОВА Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М. 1999.
15. ПОПКОВ В.Д. Феномен этнических диаспор. М. 2022.
16. ИВАНОВ В.П. Ук. соч.; ЯГАФОВА Е.А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары. 2007.
17. ИВАНОВ В.П. Ук. соч., с. 2.
18. ЕМЧЕНКО Д.Г. Ук. соч., с. 135.
19. ОСАДЧАЯ Г.И., КИРЕЕВ Е.Ю., ВАРТАНОВА М.А., РОСЛАВЦЕВА М.В. Социальная сплоченность армянской диаспоры в России: теория и практика измерения. — Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2, с. 87.
20. ЛЕВИН З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М. 2001, с. 9.
21. МИНЕЕВА Е.К. Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI века. — Вестник Чувашского университета. 2006. № 6, с. 58.
22. ИВАНОВ В.П. Ук. соч., с. 35–36.
23. Там же.
24. ЕМЧЕНКО Д.Г. Ук. соч., с. 138.
25. ВИНОКУРОВ Е.Ю. Ук. соч., с. 49.
26. ДАВЛЕТШИНА З.М. Татарское население Башкортостана: этнодемографическое исследование. Уфа. 2001; URL: <https://pravdapfo.ru/polnotekst/449871-bashkiry-i-chuvashi-po-rezultatam-perepisi-propustili-vpered-chechenczev-i-operedili-ukrainczev/>
27. СТЕПАНОВ В.В. Электронное этническое картографирование: теоретические и практические подходы. В кн.: Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М. 2016, с. 359–360.
28. Этнография чувашского народа / Под ред. В.П. Иванова. Чебоксары. 2017, с. 4.
29. СТЕПАНОВ В.В. Ук. соч., с. 361.
30. Этнография чувашского народа ..., с. 35.
31. Там же, с. 36–38.
32. PIPES R. Op. cit., p. 305.
33. DOWLER W. Op. cit., p. 765.
34. ДЖЕРАСИ Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М. 2013, с. 422.
35. МИНЕЕВА Е.К., ИВАНОВА Т.Н. «Вы – человек, следовательно, могли ошибаться»: Письмо Г.Я. Аитбаева к И.В. Сталину. — Центр и периферия. 2021. № 4, с. 47–48.
36. ЯКОВЛЕВ И.Я. Верьте в Россию и любите ее / Сост. А.П. Кураков, Н.Г. Краснов. Чебоксары. 2018, с. 13.
37. МИНЕЕВА Е.К., СТАРОСТИН А.Н., ИВАНОВА Т.Н., МИНЕЕВ А.И. Политика большевиков по отношению к российским мусульманам: деятельность Центрального мусульманского комиссариата (подразделения Наркомнаца РСФСР) в 1918–1920 гг. — Вопросы истории. 2021. № 12–2, с. 40–55.
38. Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917 – 1920-е годы: Монография / Е.К. Минеева, Т.Н. Иванова, А.П. Зыкина, А.И. Минеев, А.Н. Старостин. М. 2022, с. 391.
39. URL: <https://dzen.ru/media/malikov/puteshestvie-v-anklav-tatarstana-v-chuvashii-tam-nahoditsia-zabytaia-obeimi-respublikami-piad-zemli-Seb473366123004431e07c1a>
40. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
41. ИВАНОВ В.П. Ук. соч.
42. URL: <https://999vrhost.ucoz.ru/index/istorija/0-31>
43. ИВАНОВ В.П. Ук. соч., с. 47.

44. URL: <https://sntat.ru/news/lider-tatar-chuvashii-haydar-safiullin-u-nas-chislennost-tatar-rastet>
45. ИВАНОВ В.П., САФИН М.Х. Истоки: Родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсяя. Чебоксары. 2018.
46. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul
47. URL: <https://pravdapfo.ru/polnotekst/449871-bashkiry-i-chuvashi-po-rezultatam-perepisi-propustili-vpered-chechenczev-i-operedili-ukrainczev/>
48. ОМЕЛЬЧЕНКО Е.А., ИВАНОВА Т.Н. Ук. соч., с. 13–15.
49. ТИШКОВ В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. — Научная сессия общего собрания членов РАН. Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4, с. 411.